

А.И. Соловьев

Институт археологии и этнографии СО РАН

Новосибирск, Россия

E-mail: easolovievy@mail.ru

Близкое и далекое: панцирные пластины с граффити из Приобья

В статье представлены результаты исследования элементов защитного вооружения населения лесного Приобья. В центре внимания находятся две нагрудные пластины с воинственными изображениями от панцирей, обнаруженные в разное время на памятниках раннего железного века Усть-Полуй на территории современного Салехарда и Дубровинский Борок в Новосибирской обл. Морфологический анализ изделий приводит к выводу о бытовании в регионе лат двух различных покровов, объединенных единой сакральной символикой, связанной с дружинной средой. Уже привычным стало для графических реконструкций воинов размещение данных изделий рисунками наружу, «лицом» к противнику. Такой подход происходит из осознания последних как знака социального статуса, символа, способного устрашить врага. Вместе с тем столь же очевидна сакральная принадлежность этой выразительной символики. Обращение к этнографическому материалу показывает особое отношение обских угров, чьими предками были изготовлены рассматриваемые предметы, к изображениям культового содержания. На примере изготовления жертвенных покрывал с изображениями всадника, богатырских суконных шлемов, поясов и колчанов фиксируется феномен сокрытия сакральных объектов от посторонних глаз с момента их изготовления, включая даже общественные церемонии. Делается вывод, что рассматриваемые панцирные пластины не могли быть предметом открытой демонстрации и должны были размещаться так, чтобы скрыть сакральные граффити, т.е. тыльной стороной наружу. Размещение рисунков в полости предмета также указывает на вероятность сокрытия их специальным подкладом – «подушкой», заключавшим их как бы внутри предмета. Обращается внимание на поздние образцы защитного вооружения из кожи, экспонированные в музеях Китая и Японии, нагрудные элементы которых имеют морфологическое и функциональное сходство с материалами Приобья и позволяют представить вероятный покрой панцирей кулайского круга.

Ключевые слова: кулайская культура, панцирь, сакральное изображение, предметы культа, кожаные доспехи Восточной Азии.

A.I. Soloviev

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS

Novosibirsk

E-mail: easolovievy@mail.ru

Near and Distant: Armor Plates with Graffiti from the Ob Region

This article discusses some elements of protective armor used by the population of the Ob forest region, focusing on two breastplates with warlike images from the armor found at different times at the Early Iron Age sites of Ust-Polui in the present-day Salekhard and Dubrovinsky Borok in Novosibirsk Region. Morphological analysis of the items indicates that there were armors of two different cuts in the region. They were united by a single sacred symbolism associated with the retinue environment. It has become customary in visual reconstructions of warriors to place these items with drawings on the outer side facing the enemy. This approach stems from the recognition of the armor with drawings as a sign of a higher social status, capable of intimidating the enemy. The sacred function of this expressive symbolism is equally obvious. Ethnographic evidence shows a special attitude of the Ob Ugrians, whose ancestors made the items under discussion, to the images with the cultic content. The examples of sacrificial covers with images of a horseman as well as warrior's cloth helmets, belts, and quivers reveal the phenomenon of concealing the sacred objects from the prying eyes since the moment of their production, including even public ceremonies. It is concluded that the armor plates in question could not have been the objects of open display and had to be placed in a way which hides the sacred graffiti, that is, with their back side facing the outer side. Placement of the drawings in the cavity of the object also indicates the likelihood of their concealment with a special lining – a “pillow” which enclosed them as if inside the object. Chest elements of late protective leather armor from the museums in China and Japan manifest morphological and functional similarities with the objects from the Ob region and indicate the probable cut of the armor in the Kulai circle.

Keywords: Kulai culture, armor, sacred image, ritual objects, leather armor of Eastern Asia.

Военное дело и вооружение коренного населения западносибирской тайги всегда представляло особый феномен. Нельзя сказать, что оно стояло в стороне от мировых путей развития и совершенствования средств вооруженной борьбы, но вряд ли мы ошибемся, если выскажем тезис, что шло оно, хотя и в общем направлении, но своей особой параллельной дорогой. С одной стороны, ее обеспечивали природные богатства региона, всегда привлекавшие и степняков, и далеких владык очагов древнейших цивилизаций, вынужденных под суровую длань таежной Природы чаще отправлять торгово-обменные экспедиции, нежели посылать военные отряды и организовывать масштабные завоевательные походы. С другой, эти самые караваны, следы присутствия которых в предтаежных и таежных городках и скрытых таежной глухоманью святилищах обско-угорского и самодийского населения, доносили информацию и новейшие образцы военной техники, которыми лесные аборигены пополняли свой арсенал, либо с трепетом приносили в дар суровым божествам, на облик и атрибутику которых в немалой степени оказали влияние привнесенные с юга идеи – ведь тайга не то место, где суровая правда жизни в жестких рамках природно-хозяйственных циклов давала возможность долго размышлять над новыми «философскими» концепциями бытия и мироустройства. Наоборот, лейтмотивом жизненных реалий была концепция усвоения опыта соседей-скотоводов настолько, насколько он был понятен и применим на практике: и в сакральной сфере, и созвучен собственному мироощущению; адаптации к своим потребностям внешних новинок при бережном сохранении собственных традиций. Ведь в столь деликатных, и в то же время кровавых сферах как война и вера, напрямую связанных с выживанием коллектива, любые шатания чрезвычайно опасны, ибо последствия их могли быть фатальны и неустранимы. За победой стояла сила божеств, которая сама укрепилась такими «викториями». Ведь побеждают те, чьи божества и духи сильнее, а шаманы могущественнее. Вот и сливается в таежной мысли образ главы рода и племени, военного предводителя и сакрально одаренного пребендаря высших сил, а попросту представителя или лидера сложившейся военно-политической организации, соединившего в своих руках светскую и духовную власть. Собственно, на эту тему уже довольно много написано, достаточно вспомнить дискуссию об остячко-вогульском феодализме [Патканов, 1891; Бахрушин, 1955; Пелих, 1981], да и проблематика эта, хотя и касается частично темы предлагаемой публикации, но все же выходит за ее рамки.

Наверное, ярче всего феномен самобытности формирующейся таежной панолии стал проявляться у

истоков ее формирования, в эпоху раннего железного века, у носителей кулайской культуры, когда продвинувшиеся по ленточным приобским борам далеко на юг ее носители дополнили свой пантеон образом божественного всадника Мир-Сусне-Хума, а сферу сакрального многочисленным иранизмами, сохранившимися в обрядовой практике и культовой атрибутике коренного населения до наших дней. Впрочем, последней мы еще коснемся ниже, а пока вернемся к оружию. В это время в колчанах таежных воинов появляются стрелы с крупными ракетобразными, хорошо узнаваемыми на просторах Сибири и Приуралья наконечниками стрел; массивные бронзовые чеканы, декорированные изображениями хищных птиц; огромные (по меркам эпохи) трехлопастные, (как и бронзовые проникатели стрел), сакрально усиленные изображениями зоо- и антропоморфного пантеона, наконечники копий; короткие клинки-акинаки, характерные для степного воинства и, наконец, панцирное вооружение. В целом все в русле эпохи, в границах скифской триады и узнаваемой моды огромного скифо-сибирского мира. Но все при этом свое, можно сказать, гипертрофированно крупное и по-рыцарски мощное. Возможно именно потому, что именно такое оружие позволяло противостоять атаке степной конницы, стремящейся смять врага первым же ударом. А если же он не удавался, с непостижимой скоростью для пеших кулайцев, исчезавшей за небольшими колками или в просторах ковыльной степи. Вот тут-то и выходило на передний план защитное вооружение, пусть даже сделанное из кожи, связанное из прутьев или собранное из деревянных плашек. Оно-то (не говоря про экземпляры, собранные из рога) и позволяло лесной пехоте выдержать шквал атаки, а мощными экспансивными наконечниками стрел, останавливающее действие которых превосходило удар стрелы легкого лука скифского типа (и оказалось, кстати, очень востребованными в тайге при охоте на крупного зверя), охладить пыл лихих наездников. Учитывая совокупность имеющихся данных, не будет ошибкой считать, что на пограничной территории западносибирского предтаежья первой в панцири оделась лесная (в данном случае кулайская) пехота, а потом уж для борьбы с оной закрыли себя и, по всей видимости, своих коней и всадники-скотоводы (саргатской культуры). Впрочем, такая картина жесткого военного противостояния, которая возникает в сознании при взгляде на мощную кулайскую панолию, на наш взгляд, далека от действительности. И речь может идти скорее о медленном, постепенном и плавном проникновении лесников на новые территории. И речь шла об окультуривании экологических зон, мало интересных для представителей разных ти-

Рис. 1. Нагрудные панцирные пластины с изображениями из памятников лесного Приобья.

1 – Усть-Полуй (15,0 × 20,4 см); 2 – Дубровинский Борок (14,4 × 14,6 см). Раскопки Т.Н. Троицкой. Фото автора. Новосибирский областной краеведческий музей.

пов экономики, для которых выгоднее было не осваивать новые для себя хозяйственные занятия, а путем обмена пользоваться плодами труда поднаторевших в своей области соседей. Есть, конечно, еще ряд сопутствующих факторов и косвенных признаков, указывающий на такую картину, которые демонстрируют археологические материалы [Соловьев, 1996], но они опять уведут нас о темы.

О защитном вооружении лесных «рыцарей» позволяют судить немногочисленные роговые и костяные детали наборных лат, связанных, судя по форме изделий и комбинации крепежных отверстий, по ламеллярному принципу. И две яркие, уникальные находки крупных панцирных нагрудных пластин, сделанных при раскопках памятника Усть-Полуй, исследованного В.С. Адриановым еще в 1935–1936 гг., ныне расположенного на территории современного г. Салехард (рис. 1, 1), и городища Дубровинский Борок, исследованного Т.Н. Троицкой на территории Новосибирской обл. [Троицкая, 1979, с. 27, табл. XXIX, 1] (рис. 1, 2). Первое, усть-полуйское изделие, изготовлено, по одной из версий, из китового уса, по другой, более вероятной, – из диска позвонка кита; второе, из Дубровинского Борка, – из лопаты лосиного рога. При всей разнице в форме, оба предмета роднит сходство процарапанных на их поверхности изображений. В обоих случаях это персонажи в головных уборах, похожих на короны, с гривнами на шеях и с двумя короткими мечами в руках. Расположение этих деталей защитного вооружения на груди не вызывает сомнения. Более того, они априорно воспринимаются в качестве доминирующего элемента и даже, можно сказать, чуть ли не основного защитного звена доспеха. На предлагаемых реконструкциях [Зыков и др., 1994, рис. 13] именно так и выглядит усть-полуйская пластина, расположенная, словно маленькая дополнительная кираса, поверх автономного ламеллярного панциря, закрывающая большую часть груди и живота воина.

Она развернута резным, явно демонстрирующим статус хозяина изображением наружу, в сторону неприятеля, которому и должна было внушить страх и трепет. Не избежал похожей интерпретации и автор данной статьи, правда применительно к более мелкому дубровинско-борокскому изделию [Соловьев, 2003, с. 93, рис. 112; с. 95, рис. 115], также разместив его поверх лат кулайского воина.

Вместе с тем морфология изделия сама содержит определенные указания на ошибочность таких интерпретаций, хотя нельзя сказать, чтобы все-таки полностью сводила их на нет. Дело в том, что в одном случае (усть-полуйская

пластина) прорезанное на плоскости изображение окружено небольшим валиком, оставленным с трех сторон периметра изделия, после углубления плоскости середины. Само граффити оказывается как бы внутри рамки на заниженной поверхности. В другом (дубровинско-борокский экземпляр) этот валик не столь заметен, хотя и угадывается в большей степени за счет остаточного выступа с левой стороны, сохранившего на своей поверхности компактное вещество противоположной стороны лопаты лосиного рога, позволяющего судить об исходной толщине сырья. Выступ этот, который мы трактуем как остатки валика-рамки, демонстрирует, что твердый слой компактного вещества одной стороны рога был прорезан и удален в соответствии с предполагаемыми размерами внутренней площадки. Затем было выбрано пористое вещество сердцевины, остатки которого и образуют неровный шероховатый фон прорезанного в нем рисунка. В целом полученный результат оставляет двоякое впечатление. Если взглянуть на предмет с позиции защитных свойств, то они стали явно слабее нежели у цельной лопаты лосиного рога. Впрочем, толщина и массивность последней могут быть помехой удобству использования панциря, делая его излишне громоздким и, возможно, тяжелым. Правда, не исключено, что оставленная толщина компактного слоя предмета могла быть адекватна потенциалу средств нападения и тогда остатки губчатого вещества на поверхности компактного слоя все-таки могли играть какую-то роль... Но с другой, художественной, и явно не последней по значению стороны, неровная ноздреватая поверхность остаточного слоя компактного вещества – явно не лучший фон для нанесения рисунка. Правда, прорезать по нему линию гораздо проще нежели по твердой (пусть и изнаночной) поверхности компактного вещества рога. Несомненно, неизбежные пыль и грязь, способные заполнить губчатые поры и разрушить поверхность, быстро сведут

на нет усилия мастера. Остатки же валика и сглаженные края пластины, наоборот, свидетельствуют о ее долгой и, надо полагать, успешной эксплуатации. Да и сама поверхность с рисунком не несет следов повреждений, оставшихся при боестолкновениях.

Ответ на эти вопросы применительно к обоим панцирным пластинам может быть один. Демонстрируемая современному зрителю поверхность с рисунками на самом деле была внутренней, обращенной к телу воина, не видимой противнику. И действительно, сакральное должно быть сокрыто, не выставляться наружу и не демонстрироваться открыто.

Наверное, не стоит повторять ставший уже аксиомой тезис о высокой степени консервативности и малой изменчивости традиционных таежных культур Сибири, развитие которых не нарушалось завоеваниями извне и в силу многовековой преемственности оказалось способно донести до наших дней мощную гамму эмоций и отзвуков мироощущения ушедших в небытие далеких веков. Обратимся к данным этнографии, касающимся сакральных атрибутов. Но прежде отметим, что такие предметы повсеместно, куда бы мы не кинули взгляд, не выставлялись напоказ и бережно скрывались от чужого глаза. Конечно, за минувшие века далекие потомки кулайцев многое утратили в сакральной сфере, но и немало приобрели, а главное, сохранили исконное почитание и нормы взаимоотношений с божествами, духами-предками и связанными с ними предметами. Пожалуй, наиболее ярко цикл действий, связанных с изготовлением таких атрибутов и фетишей, последующим их использованием, дошел до нас применительно к жертвенным покрывалам и богатырскому облачению персонажей священного пантеона обских угров. В данном случае мы вынуждены опустить значимые моменты, связанные с местом и ролью этих изделий в обрядовой практике таежного населения, но можем обратить внимание на вполне прозрачную воинскую символику, присутствующую, если так можно выразиться, в дизайне и декоре упомянутых вещей: матерчатых ритуальных шлемов, богатырских поясов, шитых имитаций колчанов, накидок на саблю, да и самих жертвенных покрывал с геральдическими изображениями всадника [Мифология манси, 2001, рис. 29–33; Гемуев, 1990, рис. 95, 100, 106; Бауло, 2002, рис. 8, 37, 41, 47, 55, 56, 69–71, 76, 79, 85; 2017, рис. 1–3]. В целом генезис таких атрибутов можно возвести к стародавними дружинными традициями и культам. Обращает на себя внимание полог скрытности, окружавший эти предметы, начиная с момента изготовления, которое осуществлялось посторонними мастерами за ширмой, призванной оградить предмет от случайных взоров окружающих, кончая последующим кровавым жертвоприношением [Гемуев, 1990, с. 186; Бауло, 2002, с. 39; 2017, с. 102, 104, 106], призванным, надо полагать, «оживить» предмет, ввести его в действующую сакральную сферу. Важным мо-

ментом является зашитое платком «лицо» священного предмета или наличие специального подклада, «который, скорее всего, также, как и зашитое “лицо”, не позволял посторонним видеть священное изображение», отмечает А.В. Бауло, «покрывало укладывали на спину коня или оленя таким образом, что внешняя сторона ялпынг-улама всегда была закрыта платком» [2017, с. 102]. На эту же норму обратил внимание И.Н. Гемуев, указав, что «на медвежьем празднике сабля покрывалась накидкой... и таким образом превращалась в лошадь. Накидку набрасывали на саблю подкладкой вверх, так что изображения всадников на ялпынг-улама оказывались недоступными взорам присутствующих» [Гемуев, 1990, с. 89, 90]. Опустим вопросы, связанные с генезисом персонажа священного всадника в таежной среде, отметив лишь, что истоки образа уходят ко временам изготовления рассматриваемых пластин. Кстати, на богатырские шлемы с нашитыми на них сакральными изображениями также нашивались тканевые полога, которые укрывали священные образы от чужих глаз*. В общем, можно говорить, что предметы культовой атрибутики в таежной среде бережно скрывались от посторонних глаз.

Обратим внимание на традицию зашивания священных образов подкладом, когда лицевая сторона изделия как бы оказывалась внутри, условно говоря, «к-к-кона». А теперь с этих позиций вновь глянем на дубровинско-борковскую панцирную пластину. Удаление части пористого вещества рога, нанесение сакрального изображения на оставшуюся его часть, при условии закрытия его каким-либо подкладом, возможно, тем же самым удаленным фрагментом компактного вещества либо сшитой по его размерам тканевой подкладом-подушкой (демпфирующей, кстати, толчки и удары), не только убирает рисунок с глаз долой, но и как бы размещает его внутри рога. В пользу сокрытого расположения рисунка говорит и то, что одно из крепежных отверстий проходит прямо через глаз изображения. Отметим, что не далеко случайно на дубровинско-борковской пластине наличествует только две трети изображения. Последняя его треть, располагаясь на парном изделии, должна была распространить и обеспечить целостную магию защиты сакрального образа и на нее. Возможно, некоторые из как будто бы излишне многочисленных отверстий и служили для крепления такой крышки-подклада. По такому же принципу было сотворено и усть-полуйское изделие. Таким образом, и тот и другой доспех равным образом приобретали одинаковые тайные магические характеристики апотропея. И ныне демонстрируемая посетителю музеев лицевая часть была на самом деле обратной, а тыльная – фронтальной. И обе пластины, будучи вплетенными в защитную ткань, составляли жесткий каркас изделия.

Но что же можно сказать о самих доспехах? Ясно, что при всем сходстве апотропейных изображений и

* Устное сообщение А.В. Бауло.

функциональном назначении нагрудных пластин, они относятся к разным типам защитного вооружения*. Как могли выглядеть обе эти разновидности дают подсказки, как ни странно, отдаленные параллели из Восточной Азии, с территорий некогда расположенных здесь очагов древнейших цивилизаций. Так, в музеях Китая, в частности, Цинхайском музее тибетской культуры в г. Синин и Сычуанском провинциальном музее в г. Чэнду экспонируются прекрасные образцы комбинированных пластинчатых доспехов, состоящих из 10 крупных многослойных пластин из прессованной, проклеенной и лакированной кожи (подобно корсету охватывающих корпус) и небольшой ламеллярной юбочки, собранной из шести полос мелких пластин, стянутых между собой кожаными ремнями (рис. 2, 1–3). Вся эта боевая одежда скреплялась в районе позвоночника. Две самые крупные пластины панцирей защищают верхнюю часть груди и спины воина. И если задняя имеет вытянутую пятиугольную форму, то передняя более всего похожа на монолитную усть-полуйскую пластину. Мы не можем пока утверждать, что именно такие доспехи были и у западносибирских таежников. Слишком велик территориальный и хронологический разрыв. Но склонны полагать, что они вполне могли создать или скопировать нечто подобное такому корсетному типу. Тем более, что нужное сырье их тип хозяйства мог предоставить с излишком. Несложно также предположить, опираясь на пазырыкские и, как ни странно, тлинкитские данные, использование растительных и древесных материалов для создания одежды, «спасающей тело и душу». Впрочем, маршруты Шелкового пути редко когда пустовали, а некоторые из них в кулайско-саргатское время, т.е. в раннем железном веке, уже тянулись в лесостепь и южную тайгу; обмен идеями и товарами, очевидно, уже в тот период явно имел свою историю. Типологические аналоги дубровинско-борковскому панцирю, и прежде всего, нагрудной пластине также отыскивается на востоке, в музее университета Тохоку г. Сэндай в Японии, где также экспонируется кожаный ламеллярный, очевидно, айнский доспех. Последний представляет собой длинное колоколообразное, чем-то напоминающее сарафан, одеяние с двумя крупными трехслойными пластинами, закрывающими соответственно правую и левую части груди (рис. 2, 4–6). Со спины область лопаток защищает крупная, также трехслойная, трапециевидная пластина. Все эти детали сохранили следы, вероятно, лаковой пропитки. Остальное полотно панциря составлено из 12 лент ламеллярных

пластин, стянутых полосками кожи. Полы доспеха соединялись друг с другом кожаными завязками спереди, что позволяло воину облачаться самостоятельно. Явное сходство морфологии нагрудных защитных пластин, разумеется, исключая материал, наличие гравировок и различия в линии угла верхнего края, позволяют перебросить мостик реконструкции и в эту сторону. Тем более, что контакты с востоком не столь невероятны. Например, сезонные паводки еще в начале прошлого века, наполняя водой многочисленные притоки рек и водоемы тайги, позволяли на лодках забираться далеко на восток, формируя, пока что гипотетически, своего рода водную параллель степным торговым магистралям юга. Пока что это гипотеза, но уж очень похожи японские катаны и раннесредневековые железные клинки из «кладов с оружием» Приобья. Впрочем, точку еще ставить рано. Есть еще обсуждаемые варианты.

Благодарности

Исследование выполнено по проекту НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2025-0001 «Сибирь и сопредельные территории: изучение и реконструкции историко-культурного прошлого».

Список литературы

- Бахрушин С.В.** Остяцкие и вогульские княжества в XVI–XVII вв. // Научные труды. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. – Т. III, ч. II. – С. 86–152.
- Бауло А.В.** Культурная атрибутика березовских хантов. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – 92 с.
- Бауло А.В.** Жертвенные покрывала обских угров: итоги столетнего изучения // Этнографическое обозрение. – 2017. – № 3. – С. 97–112.
- Гемуев И.Н.** Мировоззрение манси. Дом и космос. – Новосибирск: Наука, 1990. – 232 с.
- Зыков А.П., Кокшаров С.Ф., Терехова Л.М., Федорова Н.В.** Угорское наследие. – Екатеринбург: Внешторгиздат, ДИАКОМ-Франция, 1994. – 159 с.
- Мифология манси.** – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – 196 с.
- Патканов С.К.** Тип остяцкого богатыря по остяцким былинам и героическим сказаниям. – СПб.: Тип. Худекова, 1891. – 74 с.
- Пелих Г.И.** Селькупы XVII в. (очерки социально-экономической истории). – Новосибирск: Наука, 1981. – 177 с.
- Соловьев А.И.** К вопросу о проникновении кулайского населения в Новосибирское Приобье // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири. Мат-лы IV Годовой итоговой сессии ИАЭТ СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. – С. 224–229.
- Соловьев А.И.** Оружие и доспехи. Сибирское вооружение от каменного века до Средневековья. – Новосибирск: Изд-во ИНФОЛИО-пресс, 2003. – 223 с.

* Правда, Т.Н. Троицкая считала свою находку обломком некогда целого изделия. Здесь же мы не будем уходить в область формально-типологического членения, популярного в оружиеведческой литературе, а поговорим лишь о главных принципах устройства и некоторых аспектах практической эксплуатации лат.

Рис. 2. Поздние образцы защитного вооружения из кожи из музеев Восточной Азии, нагрудные элементы которых имеют сходство с материалами Приобья. Фото автора.

1, 2 – Цинхайский музей тибетской культуры, г. Синин; 3 – Сычуанский провинциальный музей, г. Чэнду; 4–6 – Музей университета Тохоку г. Сэндай. 1–3 – Китай; 4–6 – Япония.

Троицкая Т.Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. – Новосибирск: Наука, 1979. – 124 с.

References

Bakhrushin S.V. Ostyatskie i vogul'skie knyazhestva v XVI–XVII vv. In *Nauchnye trudy*. Moscow; Leningrad: AS USSR Publ., 1955. Vol. III, pt. II. P. 86–152. (In Russ.).

Baulo A.V. Kul'tovaya atributika berezovskikh khantov. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2002. 92 p. (In Russ.).

Baulo A.V. Zhertvennye pokryvala obskikh ugrov: itogi stoletnego izucheniya. In *Etnograficheskoe obozrenie*, 2017. No. 3. P. 97–112. (In Russ.).

Gemuev I.N. Mirovozzrenie mansi. Dom i kosmos. Novosibirsk: Nauka, 1990. 232 p. (In Russ.).

Mifologiya mansi. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2001. 196 p. (In Russ.).

Patkanov S.K. Tip ostyatskogo bogatyrya po ostyatskim bylinam i geroicheskim skazaniyam. Sankt-Petersburg: Tip. Khudekova, 1891. 74 p. (In Russ.).

Pelikh G.I. Sel'kupy XVII v. (ocherki sotsial'no-ekonomicheskoi istorii). Novosibirsk: Nauka, 1981, 177 p. (In Russ.).

Solovyev A.I. K voprosu o proniknovenii kulaiskogo naseleniya v Novosibirskoe Priob'e. In *Noveishie arkhеologicheskie i etnograficheskie otkryti v Sibiri*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 1996. P. 224–229. (In Russ.).

Solovyev A.I. Oruzhie i dospekhi. Sibirskoe vooruzhenie ot kamennogo veka do srednevekov'ya. Novosibirsk: INFOLIOpress, 2003. 223 p. (In Russ.).

Troitskaya T.N. Kulaiskaya kul'tura v Novosibirskom Priob'e. Novosibirsk: Nauka, 1979. 124 p. (In Russ.).

Zykov A.P., Koksharov S.F., Terekhova L.M., Fedorova N.V. Ugorskoe nasledie. Ekaterinburg: Vneshtorgizdat, DIAKOM-Frantsiya, 1994. 159 p. (In Russ.).

Соловьев А.И. <https://orcid.org/0000-0003-3891-8944>

Дата сдачи рукописи: 06.09.2025 г.